

СЕРГЕЙ ЛАТЫШОВ

**СЕКУНДОЙ
ПОЗЖЕ**

12+

Сергей Латышов
Секундой позже

«ЛитРес: Самиздат»

1991

Латышов С.

Секундой позже / С. Латышов — «ЛитРес: Самиздат», 1991

ISBN 978-5-532-04341-1

Увидев самого себя, переходящим, к примеру, улицу - чтобы вы подумали и предприняли? Наваждение? Галлюцинация? Протёрли бы глаза. А видение не проходит. Этого не может быть – скорее всего, была бы вторая мысль. Именно в подобной невероятной ситуации и оказывается Тимур Оленьев, главный герой повести “Секундой позже”.

ISBN 978-5-532-04341-1

© Латышов С., 1991
© ЛитРес: Самиздат, 1991

Тимур Оленьев открыл глаза и несколько секунд удивлённо смотрел на окружающий его мир, чем-то похожий на старый немой кинофильм, но только цветной. Вскоре Тимур понял, чем он был похож. В нём также отсутствовали звуки. По улице бесшумно проезжали автобусы и автомобили; не свистел свисток, в который, надув щёки, свистел постовой милиционер; беззвучно визжала на тротуаре собака, на лапу которой наступил неуклюжий прохожий; и так же беззвучно плакал в коляске ребёнок, прося увлечённую разговором с подругой мать, дневную порцию детского питания.

Но внезапно тишина лопнула. Городской шум хлынул затопляющим потоком. Гудки клаксонов, скрежет тормозов, выкрики продавщицы пирожков, разговор двух старушек на соседней лавочке – всё слилось в единую гамму, с детства знакомых Тимуру, звуков. И всё же, даже после возвращения последнего, из потерянных на время чувств, что-то было не так в окружающей его обстановке, будто что-то изменилось в мире за время его короткого отсутствия в нём...

Тимур поднялся с лавочки, на которую ему так неожиданно пришлось присесть, закинул за плечо рюкзак с учебниками и, не спеша, побрёл через сквер к автобусной остановке. Он недоумевал, что это на него вдруг нашло: почему-то закружилась голова, потемнело в глазах, и он еле успел опуститься на эту, кстати, подвернувшуюся, лавочку перед тем, как совсем потерять сознание. Он решил для себя, что ему нужно менее усердно готовиться к выпускным экзаменам и по больше времени уделять развлечениям. По мере таких рассуждений, неприятные впечатления, возникшие после, толи обморока, толи потери сознания, постепенно улетучились и Тимур, уже насвистывая мелодию одной из песен "Наутилуса Помпилиуса", с лёгкостью вскочил на последнюю ступеньку автобуса, отправляющегося по его маршруту...

Автобус остановился на конечной остановке. Тимур помог сойти по ступенькам древней старушке и, получив её благословение, весело зашагал к своему дому. Для этого ему нужно было пересечь строящийся новый микрорайон и выйти к примыкающему к городу рабочему посёлку, в котором он и жил вместе со своими родителями и младшим братишкой.

Войдя в посёлок, Тимур остановился и около минуты с удовольствием вдыхал сладкий запах цветущей сирени. В отличии от душного, серого, пыльного города, посёлок утопал в зелени и весь долгий солнечный день сохранял в себе свежую утреннюю прохладу.

Одноэтажные и двухэтажные частные дома почти не были видны, из-за обильного количества фруктовых деревьев, которые летом приносили любителям садоводства огромные корзины яблок, слив, груш и абрикос.

Тимур погладил, подбежавшую к нему, соседскую собаку, которая как обычно в это время, шныряла по посёлку в поисках оброненной кем-нибудь мясной косточки, и свернул на свою родную улицу, где вырос, где играл мальчишкой в казаки-разбойники и клёк, где лазил подростком в соседние сады за яблоками и куда также заглядывает и сейчас, но только уже за цветами...

Тимур прошёл не больше двадцати метров и остановился с отвисшей челюстью, ошарашенный увиденным. Он увидел самого себя. ОН, то есть второй Тимур, шёл ему навстречу в конце их улицы. ОН был точной копией настоящего, но только без рюкзака с учебниками. ОН был словно близнец Тимура и если бы их поставить рядом, то наверняка бы родная мать не отличила своего родного сына.

Тимур, застывший от изумления, не в силах двинуться с места, заморожено смотрел на своё "отражение", которое, не замечая его, спокойно подошло к их воротам, потом открыло дверь в них и скрылось во дворе. Тимур протёр глаза, окинул взглядом пустынную улицу и медленно пошёл вдоль забора. "Ну и ну" – думал он: "Надо же такому привидеться? Кому расскажешь – никто не поверит. До занимался, называется, до галлюников. Всё! Три дня учебника в руки не возьму, и на тренировках надо бы не перегружаться, и вес перестать сбрасывать, а то уже в голодные обмороки падаю".

Он подошёл к воротам, открыл в них дверь и осторожно заглянул во двор. Там было тихо и спокойно. Тимур внимательно посмотрел в глубину сада, но и там тоже никого не было. Он посмеялся над своей нерешительностью и, пройдя через двор, поднялся на крыльцо их двухэтажного дома. Он взялся за ручку входной двери и, хотел, было уже войти, как вдруг услышал голоса. Один – принадлежал матери и шёл из кухни, а другой – другой был его собственный и доносился он из его комнаты, расположенной на втором этаже.

– Тим!

– Да, мам!

– Сходи за хлебом.

– Сейчас, только переоденусь.

Тимур стоял, ни жив, ни мёртв. Он не верил своим ушам, точно так же, как не верил несколько минут назад своим глазам. Он отпустил ручку двери и схватился обеими руками за перила, боясь, что изменившие ему колени подогнутся, и он свалится прямо тут же на крыльце.

– Что было сегодня в техникуме? – донёсся из кухни голос матери.

– Да так, ничего особенного, две консультации, – ответил его собственный голос со второго этажа.

– А, что Анна Ивановна сказала насчёт твоей курсовой?

– Я её сегодня не видел и боюсь, что её не будет в техникуме до понедельника.

– Вот, видишь! Я тебя предупреждала. Дотянул с курсовой до последнего, теперь возьмут и не допустят тебя к госэкзаменам.

– Допустят... – привычной Тимуровской манерой протянул голос со второго этажа. – Я же не последний двоечник, чтобы меня к экзаменам не допустили.

Тимур с удивлением отметил, что тот, который из его комнаты всё за него отвечал, хорошо осведомлён обо всех его делах в техникуме и вообще очень хорошо под него, Тимура, замаскировался. Он сел на крыльцо и стал размышлять, как ему лучше вывести на чистую воду наглого самозванца. Потом он подумал о том, что это всё же может быть продолжение галлюцинаций, но теперь звуковых и как только он войдёт в дом, всё сразу станет на свои места. Тимур обрадовался этой пришедшей, мысли и, поднявшись на ноги, решительно взялся за дверную ручку. Но тут послышались, прыгающие через ступеньку, лёгкие шаги, спускающегося со второго этажа самозванца.

– Всё, мам, я готов. Что купить то?

"О боже! Что это за чертовщина то такая?" – простонал Тимур, снова хватаясь за перила.

– купишь булку белого и полбулки чёрного и какую-нибудь сладкую для Олежки, – отвечала мать.

– Нечего ему сладким баловаться, не девчонка чай, – немного сердито произнёс самозванец, который наверно точно так же, как и Тимур не одобрял то, что его родители балуют младшего брата. – Ну, я пошёл, мам. Больше ничего не надо купить?

– Нет, остальное пока есть.

Тимур едва успел спрятаться за сарай. Дверь открылась, и на пороге показался самозванец. Он был одет в любимый Тимура джинсовый костюм и адидасовские кроссовки. "Во, наглец-то" – прошипел за сараем Тимур, кипя от злости: "Ну, ничего, как только выйдешь на улицу, я с тобой быстро разберусь – кто ты там такой на самом деле есть?"

А тот, ни о чём, не подозревая или будто не подозревая о существовании настоящего Тимура, пересёк двор и вышел за ворота. Тимур, оставив за сараем рюкзак с учебниками, побежал вслед за ним. А лжеТимур, уже беззаботно и не спеша, шёл по улице в сторону хлебного магазина. И вот эта, такая то его беззаботность, обезоружила Тимура. Ему казалось, что самозванец должен чувствовать себя как-то по-другому, ведь где-то рядом должен был быть он, настоящий Тимур. А этот не проявляет никаких признаков беспокойства, даже ни разу не оглянулся и совсем не озирается по сторонам.

Тимур разжал кулаки, решив отложить на время своё разбирательство и пока всего лишь последить за ним, чтобы лучше понять намерения самозванца. Сохраняя дистанцию, он следовал за лжеТимуром, ещё продолжая не верить, что с ним может такое в жизни приключиться. Но факт был на лицо – Он шёл впереди Тимура, к тому же насвистывая его любимую мелодию одной из песен "Наутилуса Помпилиуса". Он шёл точно такой же походкой, точно так же, как и он всегда, засунув руки в карманы куртки, точно также пиная ногами попадавшиеся по пути мелкие камешки. И вдруг Тимур с ужасом подумал, что это вовсе никакой не самозванец, что это он сам Тимур и есть, самый, что ни есть настоящий, что каким-то образом они раздвоились и теперь их двое на этом белом свете. И пока получается, что он, Тимур, лишний, потому что не он идёт за хлебом, а тот другой...

Тем временем, они подошли к булочной. Тимур спрятался за дерево и стал ждать, пока тот, второй, сделает необходимые покупки. Со своего наблюдательного пункта, сквозь стеклянную витрину магазина, ему было хорошо видно, как Тимур-2 взял со стеллажей белый и чёрный хлеб и встал в очередь в кассу. С кассиршей он о чём-то долго спорил, наверно та хотела дать ему на сдачу лотерейные билеты, которые, как правило, больше рубля никогда не выигрывают, но, в конце концов, Тимур-2 взял в споре верх и, опустив сдачу в карман, вышел из магазина. У входа он столкнулся, с Вовкой-Косым, которому

Тимур одолжил на прошлой неделе десятку. Они пожали, друг другу руки и между ними завязался разговор. Тимур, чтобы иметь возможность слышать, о чём те двое говорят друг с другом, перебежал от дерева за угол магазина и полностью сосредоточил внимание на разговоре.

– Нет, Косой, так дело не пойдёт, – возражал голос Тимура. – Мне деньги самому позарез нужны.

– Но, Тим, может, подождёшь до завтра? – спрашивал его Вовка-Косой.

– Нет. Неделя уже прошла, а уговор, сам знаешь, дороже денег.

– Ну, ладно. Я что-нибудь придумаю. Ты будешь сегодня вечером в клубе?

– Должен быть по идеи, хотя у них там музыка к чёрту никуда не годится, давно пора всю программу сменить.

– Сегодня новые и клипы, и записи будут, так что обязательно приходи. А я до вечера постараюсь раздобыть червонец и в клубе тебе его отдам.

– Хорошо, до встречи!

– Пока!

Хлопнула дверь булочной, в которую, очевидно, вошёл Вовка-Косой, и послышались удаляющиеся шаги второго Тимура.

Тимур подождал, пока он отойдёт на должное расстояние, и осторожно выглянул из-за угла магазина. Тот, второй, закинув за плечо пакет с хлебом, не спеша, возвращался домой. Тимур перебежал в тень забора и последовал за ним. Теперь он уже не сомневался, что тот, который, идёт впереди, тоже Тимур Оленьев, потому что невозможно ни одному актёру в мире до такой точности копировать манеры его поведения, интонацию его голоса, его динамику движений и его привычки.

"Значит нас действительно двое" – с отчаянием подумал Тимур: "Или может быть Он один, Он – настоящий. А я уже совсем не Тимур, я уже кто-то совсем другой?"

От этой пришедшей мысли ему стало страшно. Он остановился и принялся тщательно осматривать свои руки, ноги и тело. Он задрал на животе футболку и посмотрел на родинку, величиной, с копеечную монету. Потом долго ощупывал руками своё лицо.

"Нет, я тоже Тимур Оленьев", – сделал он свой вывод и двинулся догонять, ушедшего вперёд, двойника.

Смотря ему в спину, Тимур думал о том что, почему именно он, а не тот другой, на его месте. Ведь всё могло бы быть и наоборот; не стой и не вдыхай Тимур запах сирени, не погладь

соседскую собаку, и он бы первый подходил к воротам их дома, а тот бы стоял и смотрел на него с разинутым от удивления ртом, не зная верить или не верить своим глазам. А он, Тимур, поднялся бы к себе в комнату, переделался бы в свой джинсовый костюм и пошёл бы за хлебом, ни о чём не думая и не переживая. А тот бы, так же, как сейчас он, Тимур, ломал бы себе голову над неразрешимой загадкой: кто же из них лишний то?

Тимур снова остановился: "Если он тоже я, только отделившийся каким-то образом от меня в самостоятельного, то почему я один должен расхлёбывать эту кашу? Раз мы Тимуры Оленьевы, то мы вместе и должны думать, как нам жить дальше". Придя к такому заключению, он решился на контакт с самим же собою. Он даже представил себе, как он сейчас окликнет того второго, и как у того округлятся от удивления глаза, отвалится нижняя челюсть, как прежде у него самого и, может быть, даже подогнутся колени. А он, Тимур, подойдёт к нему и, хлопнув по плечу, скажет, пару ободряющих слов. Эта сцена так ярко и образно представилась ему, что он невольно улыбнулся.

Тимур сократил между ним и собой расстояние, чтобы тот сразу узнал его, и уже было, открыл рот, чтобы позвать его по их общему имени, но в этот момент другая острая мысль пронзила его. Он вспомнил своё недомогание в сквере и потерю сознания на одной из лавочек в нём. Такого с ним прежде никогда не случалось и на своё здоровье жаловаться раньше ему не приходилось.

"Вот тогда то меня и скопировали", – решил Тимур, категорично не веривший до этой минуты ни в каких пришельцев из космоса, ни в вообще какие-либо другие сверхъестественные явления. Но сейчас он просто не мог найти другого объяснения этому раздвоению не только сознания, но и тела. Поразмыслив, он пришёл к выводу, что только инопланетяне могли проделать с ним такую штуковину, и что впереди него сейчас вышагивает не кто иной, как пришелец-разведчик, забравшийся в его, Тимура, образ. И только по какой-то случайности ОНИ, инопланетяне, не смогли до конца нейтрализовать его, настоящего Тимура, и наверно не знают, что он через несколько минут пришёл в себя и в данный момент следит за их разведчиком.

Тимур похвалил себя за сообразительность и за то, что он вовремя спохватился и не окликнул инопланетного Тимура. Решив впредь быть осторожным, он свернул переулком раньше и вошёл во двор с задней калитки. Во дворе он занял пост за сараем и стал ждать дальнейшего развития событий...

Но события не развивались или развивались, но очень медленно и в основном обыденные. ЛжеТимур, вернувшись с магазина, отдал покупки матери и, поднявшись в его комнату, включил на всю громкость магнитофон, игнорируя замечание матери, что полезней бы было для него, если бы он сел за учебники готовиться к экзаменам. Вскоре во двор въехала машина отца, который приехал с работы и привёз из детского сада Олежку. Вся семья была в сборе и через некоторое время мать позвала их обедать.

За сарай также проник ароматный запах, напомнивший Тимуру, что он не менее голоден, чем все его домочадцы, включая и инопланетного Тимура, который может быть, вообще может обходиться без пищи. Но Тимур услышал, как тот выключил магнитофон и спустился в столовую. Тимур по запаху понял, что на обед мясной борщ и утка в сметане.

От этого понимания желудок заныл, и как показалось Тимуру, сжался у него там внутри в маленький комочек. К тому же из открытого окна столовой, доносились звуки, ещё больше будоражащие его воображение. Он явно слышал, как работали ложками его младший брат и тот, второй; как размеренно ел отец, переговариваясь с матерью о делах семейного бюджета; и как мать вскоре подала на стол второе, которое вызвало общее восхищение мужской половины семьи. А Тимур, сидя на траве, прислонившись спиной к сараю и обхватив живот руками, проклинал, как только мог всю вселенную, и всех обитающих в ней гуманоидов.

С окончанием обеда в семье утихли и позывные в желудке Тимура. Но хотя ему и полегчало, он всё равно не мог сосредоточиться на обдумывании своего плана действий. Время шло,

а он продолжал сидеть за сараем, так конкретно и не решив, что же ему делать дальше. Он бездумно смотрел на плывущие по небу облака, иногда переводил взгляд, на перелетающих с ветку на ветку бесшабашных воробьёв, и временами тяжело вздыхал по своей нелёгкой, никому незавидной, доле.

Из оцепенения его вывел скрежет несмазанных петель, открываемых кем-то, ворот гаража. Тимур выглянул из своего убежища и чуть не вскрикнул от вновь проснувшегося негодования. Второй, одетый в его мотоциклетную, кожаную куртку, заливал из канистры в бак мотоцикла бензин; потом, надев шлем и сев на мотоцикл, включил зажигание. Погазовав несколько секунд прогревая мотор, он с шумом выехал из гаража во двор, развернулся и уехал через оставленные открытые отцом, ворота.

Тимур вскочил на ноги и бросился к задней калитке. Он выскочил в боковой переулочек и, пробежав по нему несколько метров, увидел, как по улице пронёсся лжеТимур, оставив после себя поднятую пыль и клубившийся газ. Тимур, было, дёрнулся за ним, но, оказавшись на середине улицы и посмотрев вслед, удаляющемуся мотоциклу, остановился. Он досадливо махнул рукой и с пониманием, что на этот раз он его упустил, понуро поплёлся назад.

"А инопланетянин, скорее всего, поехал какое-нибудь задание выполнять", – размышлял Тимур, подходя к калитке: "И я никак не могу ему помешать".

Но мгновение спустя, пришедшая догадка, куда направился Второй, будто кипятком ошпарила его мозг. Он вспомнил, что сегодня в пять они встречаются с Викой, катаются на мотоцикле, а к девяти часам идут в клуб на дискотеку. А после дискотеки... Тимур вспомнил сладкие поцелуи своей девчонки, и у него по-стариковски заныло сердце.

Сегодня она будет с другим... Он не мог этого вынести. Хоть этот другой и был, как две капли воды похож на него, и как будто временно заменял его, Тимур уже не знал, простит он ей или нет, если она не увидит подмены и всё же пойдёт сегодня с тем, другим, на назначенное настоящим Тимуром свидание.

Тимур, держась рукой за сердце, которое разрывалось от ревности, вернулся во двор. Он взял рюкзак с учебниками и, обойдя сарай, оказался у задней стены дома. Окно его комнаты было открыто. Не долго думая и рискуя сорваться, он полез на второй этаж.

Цепляясь за небольшие выступы кирпичей, и прижимаясь щекой к их шершавой поверхности, Тимур шаг за шагом, поднялся на уровень второго этажа. Затем он прошёл по карнизу и, перевалившись через подоконник, оказался у себя в комнате. В первый момент ему показалось, что он не был в ней целую вечность, но всё в его комнате было по-прежнему. Такой же беспорядок, как и всегда. Также, зло улыбаясь, смотрели с настенных плакатов, герои американских фильмов ужасов. Также висела у стены, избиваемая по утрам, боксёрская груша. На полке застыли, готовые к нападению, пластмассовые индейцы. А на гипсовом черепе, вылепленном в детстве из озорства, была по-прежнему одета ковбойская шляпа. У Тимура выступили слёзы на глазах. Он нежно погладил рукою, изрезанную перочинным ножиком, шершавую поверхность своего письменного стола и потом долго смотрел на стоящую на нём фотографию, на которой, они снялись всей семьёй прошлым летом.

Отодвинув стул, Тимур уже, было, хотел привычно сунуть под стол рюкзак с учебниками, но там уже стоял точно такой же. Он не удивился, а достал его и стал рассматривать содержимое. В нём было всё тоже самое, что он сложил в свой собственный сегодня утром, и что само по себе, ничего не доказывало и не проясняло – эти учебники, имелись у каждого учащегося их техникума, а рюкзаки продавались на соседнем рынке. Тимур поставил его обратно под стол, а свой запахнул подальше под кровать. Затем он решил переодеться. Скинув с себя туфли, брюки и белую футболку, он достал из шкафа свои старые потёртые джинсы, выбрал из белья чёрную тенниску и взял с кровати, оставленную лжеТимуром, джинсовую куртку.

Едва успев надеть джинсы и обуть кроссовки, Тимур услышал на лестнице шаги. Схватив в руки тенниску и куртку, он заметался по комнате, не зная толи ему выпрыгивать в окно,

толи прятаться в шкафу. Таким мечущимся из стороны в сторону его и застала мать, которая, открыв дверь, выпустила от неожиданности из рук стопку постиранного и поглаженного белья.

– Ах, ну и напугал же ты меня, Тим. А я и не видела, как ты вернулся. Что-нибудь забыл?

– Да вот, решил теннису переодеть, – протянул, пришедший в себя Тимур.

– Опять ты чёрную одеваешь. Ну, кто же к девушке на свидание в тёмном ходит?

– Ей нравится... – буркнул в ответ Тимур и, перекинув через плечо куртку, не спеша, спустился на первый этаж.

– Привет, пап! – бросил он, проходя мимо отца.

– Виделись, – отозвался отец, не отрываясь от газеты.

"Это ты не со мной виделся", – мысленно возразил ему Тимур и проследовал на кухню. Там он сделал себе большой бутерброд с колбасой и сыром, затем, растягивая удовольствие, медленно выпил два стакана молока. Почувствовав себя более, менее сытым, Тимур решил действовать дальше.

Во дворе к нему подкатил на трёхколесном велосипеде младший братишка.

– Видели, видели, как ты по окнам лазаешь! – сообщил он ему, растянув рот до ушей в беззубой улыбке.

Тимур смерил его уничтожающим взглядом и собрался, было, уже отвесить ему подзатыльник, но, передумав и тоже изобразив на своём лице улыбку, опустился перед братом на корточки.

– Это игра такая: в разведчиков, – шёпотом произнёс Тимур. – Если ты никому не расскажешь, то ты тоже будешь в неё играть.

– А как в неё играть?

– Надо чтобы враг не догадался о том, что ты за ним следишь.

– А кто враг?

– У нас с тобой один враг, я тебе его потом покажу.

– А где твой, мотосикл?

– Он в плен попал, – грустно произнёс Тимур.

Он потрепал рукой белокурые волосы младшего брата, тоже опечалившегося из-за его грустного тона и, не прощаясь с ним, уже думая о чём-то другом, повернулся и вышел со двора. А думал он всё о том же, что ждёт ли его Виктория или всё же уехала с тем другим...

* * *

Изумлённо расширенные глаза десятилетней Полины, младшей сестрёнки Вики, яснее слов ответили Тимуру на готовый сорваться с губ вопрос. Разом мир потускнел, а сердце оборвалось и упало куда-то вниз тяжёлым камнем. Понуро опустив плечи, он пошёл прочь от так и не пришедшей, в себя Полины.

– А где Вика то? – уже в спину догнал его её запоздалый вопрос.

Но Тимур, ещё больше ссутулившись, ускорил шаги... Он тоже хотел бы знать, где она сейчас. В какой точке города или его окрестностях, раздаётся её озорной звонкий смех. На каких прудах или озёрах улыбаются её зелёные глаза. Но при всём своём огромном желании Тимур даже не мог её найти. Ни её, ни того другого. Теперь он сколько угодно мог проклинать свою безалаберность, свою увлекающуюся романтическую натуру. Он, как правило, принимал решения под воздействием импульса и никогда не признавал заранее намеченных планов. Он, конечно, пробовал представить себе, куда бы он повёз её сам и тем самым, исходя из того, что Второй рассуждает аналогично, попытаться найти их. Но Тимур в своей жизни был ветром. А разве ветер знает заранее, где будет через несколько минут, через час, через день. Так и Тимур никогда не загадывал ничего наперёд. А если и приходилось ему в жизни что-то планировать, то только потому, что он был, всё же человек, втиснутый в обычные человеческие рамки: день

– ночь, работа – отдых, в восемь ноль ноль ровно, пятнадцать минут перерыв. Но как бы то ни было, а спланируй он сегодня утром эту прогулку, куда именно поехать им покататься, ему не пришлось бы сейчас кусать до боли губы. А так ищи ветра в поле, и вместе с ним его зеленоглазую девчонку. И Тимуру ничего не оставалось делать, как примириться и ждать вечера или конкретней начала дискотеки, куда, как бы Тимур-2 не сопротивлялся, Вика должна прийти – её болезнь к рок-н-роллу была неизлечимой.

Во власти невесёлых мыслей, и будто на неживых ногах Тимур брёл по улицам города. До начала танцевальной программы в клубе было два с половиной часа, но стрелки часов упорно не желали двигаться вперёд, и Тимуру казалось, что девять вечера никогда не наступит. А если когда-нибудь и наступит, то он вряд ли до этого времени доживёт, а если и доживёт, то древнем стариком. И он не мог не согласиться с самим собой. Он был уверен, что за прошедшие несколько часов, с того момента, как он повстречал пришельца, уже прошло полжизни и за остальные два с половиной, часа пройдёт столько же. Сильно потрясённый своим горем, Тимур был не в состоянии, размышлять о таинственности происшедшего. Даже в этот момент он был верен себе. Он безутешно страдал о том, что его девчонка с другим, и нисколько не думал о своём будущем и, по-видимому, столь же нерадостном, как и настоящее. Он, конечно, задумается позднее и до него глубже дойдёт, что его горе заключается совсем не в том, что его девушка сейчас с другим. А в том, что этот другой тоже он, что их теперь двое. И кто этот второй? Но пока, еле переставляя ноги и упершись глазами в асфальт, Тимур мысленно подгонял время, ждал наступление вечера, и не мог избавиться от образа улыбающейся Вики, мчащейся на мотоцикле вместе с тем другим.

Неожиданно, откуда-то с севера, набежали свинцовые тучи. Небо почернело, и готово было вот-вот разразиться проливным дождём. И разразилось. Сверкнула молния, вспоров брюхо, нависшему прямо над городом бегемоту. И следом, из его разорванного чрева, обрушилось несметное количество воды. В раз всё стало мокрым: асфальт, прохожие, дома и небо. Да, небо тоже стало мокрым.

Как только первые тяжёлые капли упали Тимуру на голову и плечи, он бросился бежать к автобусной остановке. Первым его желанием было всего лишь укрыться под её пластиковой крышей, но как раз в момент, когда он её достиг, к ней подъехал и остановился маршрутный автобус. Тимур, недолго думая, запрыгнул в заднюю дверь и, пройдя в салон, опустил, на свободное сидение.

Дождь также внезапно кончился, как и начался. Тучи, наверное, решив, что здесь они свою работу выполнили, поспешили дальше на юг. И вновь засверкавшее майское солнце заставило сиять и блестеть только что умытый город.

На ближайшей остановке пассажиры заспешили к выходу. Тимур невольно улыбнулся, узнав в них таких же беженцев, как и он сам, искавших в автобусе всего лишь укрытие от дождя... Он тоже вышел. А, оказавшись на улице, вдруг обнаружил, что находится в нескольких шагах от переулочка, где живёт его друг. Это был не обычный, друг, но дружба была настоящей... Тогда она пришли в их 4"а" класс совсем молоденькой учительницей. Только, только закончила пединститут, а её бедненькую назначили сразу классной руководительницей самого трудного и неподдающегося воспитанию класса в школе. И он,

Тимур, был вожаком этих десятилетних сорванцов и хулиганов. Она по вечерам после уроков проливали слёзы, а утром шла в школу, набравшись терпения и вновь готовая к их, даже совсем не безобидным розыгрышам. Но шли годы, и мальчик стал подростком. И не думал он и не гадал, а влюбился в свою учительницу. И наступило для него тяжелое время. Толи идти на её урок физики, толи нет. А придёшь? Так разве будешь слушать какие-то законы Ньютона? Поэтому то он и ушёл после восьмого класса из школы в техникум. Хоть как-то хотел сравняться с ней. А через год понял всё. Но совсем не стыдился, своей любви. Она переросла в дружбу, уже равную. И они оба её ценили.

Она, обрадовалась ему, но сразу же высказала порицание за то, что он не появлялся у неё целых две недели. И не дав ничего ему возразить, препроводила в гостиную, а сама убежала на кухню, где у неё в кастрюлях что-то кипело и булькало.

– Ты, как раз вовремя пришёл, – прокричала она из кухни, – Через несколько минут будем ужинать.

Тимуру было не до еды, и он решил отказаться.

– Я не хочу, спасибо.

– И не выдумывай, – шутливо рассерженно произнесла она, внося в гостиную поднос с приборами. Потом, внимательно посмотрев на него, спросила:

– Что-то ты невесёлый, сегодня. Какие-нибудь проблемы?

– Да, нет, – соврал Тимур.

Но она не поверила ему. И на какое-то мгновение Тимуру показалось, что перед ним стоит не его старший, друг Таня, а классная руководительница Татьяна Андреевна, как прежде ждущая от него признания плохого поведения.

– Ну, не хочешь, не говори, – нисколько не обижаясь, разрешила она ему сохранить свои невзгоды втайне.

Когда Тимур поднимался к её квартире по лестнице и даже, когда жал кнопку звонка, он был твёрдо уверен, что расскажет ей всё, что с ним приключилось. Но сейчас он вдруг понял всю необычность или вернее фантастичность своей истории. И вовсе не недоверие и не боязнь быть принятым за не совсем здорового человека, а что-то другое удержало его от откровения.

– Тим!

– Да!

– Ты, опять в каком-то другом измерении. Садись к столу. Всё готово, накрыто и ждёт тебя.

Он послушно сел и слушая её новости, вяло принялся за еду.

– А у нас в школе ещё один физик и теперь у меня половина часов освободилась, – сообщила она ему своё главное радостное событие.

– Так до летних каникул неделя осталась. Разгрузили, называется, – возмутился Тимур, зная, как долго она ждала помощь, то есть второго учителя по физике.

– Ну, хоть в конце помогли и на том спасибо. Да! Ещё тебе хотела сказать – второго июня еду в пионерский лагерь воспитателем.

– Сочувствую, – без обычной своей иронии протянул Тимур.

– Сочувствуй, не сочувствуй, а в отпуск меня не пускают.

Тимур ещё раз выразил ей свои сожаления и дальше уже рассеянно слушал её рассказ о проблемах 5"Б" класса, руководителем которого она была. Он временами поглядывал на часы, висевшие на противоположной стене, и незаметно для себя, механически, отправлял в рот одно печенье за другим, приготовленные Татьяной по её собственному рецепту.

– Да, конечно... – с чем-то, не зная с чем именно, согласился Тимур и поднялся, из-за стола.

Часы показывали половину девятого, и он решил, не мешкая, отправиться в клуб. Он вспомнил, что Вовка-Косой должен принести долг. И ему было необходимо перехватить его до того, как туда придёт Второй. Эти хоть и небольшие деньги, он ни за что не хотел ему уступать.

– Ты уже уходишь?

– Да!

– И всё же у тебя что-то, где-то случилось.

– Что-то... Где-то... – тихо, почти не вслух и задумчиво произнёс Тимур, остановившись в дверях. – Я бы сам очень хотел знать – “Что”?

Он махнул на прощание рукой и быстро сбежал по лестнице вниз...

Тимур увидел их сразу, как только они вошли. Второй обнял её за талию и вёл сквозь толпу танцующих ближе к центру площадки. Через каждые два три шага их окликали и они весело смеясь, хлопали ладонями по протянутым для приветствия рукам. Тимур из-за громкой музыки не мог слышать ни их смеха, ни реплик, которые бросал Второй Тимуровым друзьям, но по их растянутым до ушей улыбкам не сомневался, что они довольны и наверно даже счастливы. Вскоре они нашли себе более, менее свободное местечко недалеко от аппаратуры и задёрнулись в такт ревушей из динамиков песни группы "Статус-кво".

До этого момента Тимур считал, что он вполне сносно танцует, но увидев, что вытворял на площадке Второй, дал себе зарок больше не танцевать быстрых танцев, пока не возьмёт по крайней мере десять уроков у Борьки-Танцора.

Песня кончилась, и пока ди-джей представлял следующую группу, Второй высматривал кого-то в зале, охватывая взглядом все его закоулки. Тимур глубже задвинул свой стул в полуосвещённую нишу, находящуюся рядом с баром, стойка которой также скрывала Тимура от посторонних глаз. Но предосторожность была излишней, Второй быстро нашёл того, кого искал. Он подошёл к нему и хлопнул по плечу. Вовка-Косой обернулся и приветливо улыбнулся. Но через мгновение эта улыбка сползла у него с лица, сменившись выражением изумления и ещё через мгновение негодованием. Он отшатнулся от надвигающегося на него Второго и стал беспомощно озираться на друзей, видимо призывая их в свидетели, прося подтвердить, что всего лишь каких то десять пятнадцать минут назад он отдал требуемый с него долг.

Тимур, напрягая слух, с трудом смог разобрать брошенную Вторым фразу:

– Ты что, меня за дурака, принимаешь?

– Да, чёрт бы меня побрал! – чуть ли не крича, клялся Вовка-Косой, пятясь от сжимающего кулаки Второго.

Неминуемо намечалась потасовка. Вокруг ссорящихся образовывался круг. Некоторые из друзей Тимура подзадоривали Второго не спускать Косому его явную ложь.

Тимуру неожиданно стало совестно. Он не сомневался, что Второй без труда навешает Косому, которого ещё в детстве Тимур частенько поколачивал. А этот пришелец, если применит вдобавок свою космическую силу...

Положение спасла Вика. Начался медленный танец и ей, видимо, надоело "деревом" стоять среди танцующих пар. Она протиснулась сквозь толпу окруживших, вот-вот готовых сцепиться парней, и пригласила Второго на танец, который был объявлен ди-джемем "белым". По этой то причине Второй и не смог ей отказать, дав себя увести ей за руку на площадку. Но свободной он продолжал грозить Косому и обещать, что разберётся с ним, сразу же, как только освободится. А Вовка-Косой, всё такой же изумлённо негодующий, продолжал истуканом стоять недалеко от входной двери и уверять своих знакомых и всех, находящихся рядом, что Тимур попросту свихнулся или специально прикидывается, а он, Косой, сам лично отдал ему долг, встретив его по дороге в клуб.

"Да убирайся ты по добру, по здорову, пока цел", – шептал Тимур Косому в своей нише: "Сейчас же песня кончится, он из тебя котлету сделает."

И действительно, толи что-то почувствовав, толи сообразив сам, Вовка-Косой поспешно ретировался из клуба, усмотрев момент, когда Второй повернулся к нему спиной и выпустил на некоторое время из виду. Но танцующая пара не стояла, а медленно кружилась на месте. И спустя несколько секунд Второй снова повернулся к тому месту, где стоял его якобы должник. На этот раз Вика уже не смогла его удержать. Он яростно бросился к выходу. Она за ним, крича ему, чтобы он не распускал руки.

Тимур тоже хотел ринуться за ними, но через мгновение облегчённо вздохнув, снова занял свой наблюдательный пост.

Второй возвращался, метая глазами молнии. Вика посмеивалась, советуя ему не сердиться и не сокрушаться из-за пустяков.

– Ничего себе пустяки, – донёсся до Тимура голос Второго. – Мальчишку хочет из меня сделать.

Но Вика очаровательно ему улыбнулась и попросила не портить вечер. Он пообещал ей больше не вспоминать и не упоминать имени Косого, и они снова соединились в приводящую в восторг окружающих блистательную пару. И это действительно было так. Вика была самой красивой девушкой в районе, может быть в городе, а может быть и в...

А Тимур, ещё с подростковых времён снискал себе всеобщее уважение сверстников, когда он был вожаком во всех их начинаниях...

– Привет, Тим!

– Привет! – машинально ответил Тимур, продолжая смотреть на танцующих. Второй что-то шептал ей. А она, прижавшись к нему и, положив голову на его плечо, слушала и чему-то улыбалась.

– Из-за чего это ты, Тим, чуть не схватился с Косым?

Тут только до Тимура дошло. За столик к нему в нишу подсел его бывший одноклассник Эдик Круглов. Он поставил перед собой фужер, бутылку пива и блаженно улыбаясь, будто у него весь мир в кармане, смотрел на Тимура.

– Я как раз только вошёл в клуб и думал, что ты вот-вот двинешь ему, – продолжал Круглов, – ну тут тебя, совсем некстати твоя увела.

Тимур, затаив дыхание, скосил глаза в сторону танцплощадки. Те двое танцевали, прямо посередине, как раз у всех на виду...

– А зря, зря, – протянул Эдик, не любивший Вовку-Косого за его мелочность. – Он уже давно заслужил хорошенькую встряску-взбучку.

Тимур неопределённо мотнул головой. Увлёкшись слежкой за своей подругой и противником, он совсем забыл о своём двойственном положении. Второй для него уже давно был пришельцем, врагом, и Тимур его никак не ассоциировал со своим образом. Для него он был не Тимур. Но только для него, а не для окружающих... Для других Второй был по-прежнему Тимур Оленьев. И вот наблюдая за развитием растущей измены, он совсем позабыл о такой возможности: встречи с кем-нибудь из друзей. И вот он сейчас, сидел за этим столиком со своим одноклассником, когда всего лишь в нескольких метрах танцевали те двое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.